

УДК 821.133.1'6:316-346.2-055.2(=161/1)

ОБРАЗЫ РУССКИХ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. Г. Желудкова

RUSSIAN WOMEN'S IMAGE IN THE MODERN FRENCH LITERATURE

E. G. Zheludkova

В настоящей статье анализируются стереотипные представления о русской женщине в современной французской литературе. Уточняется роль стереотипов в восприятии незнакомой культуры, а также их отрицательное влияние на создание образа русской женщины в восприятии читателей. Автор статьи приходит к выводу, что стремление писателей сделать понятным среднему читателю, носителю своей культуры, образ представителя другой культуры приводит к ограничению этого образа стереотипными категориями, которые не отражают реальных черт и качеств последнего.

The paper focuses on the analysis of stereotypes about Russian women in the modern French literature. It specifies the role of stereotypes in the perception of the unknown culture and its negative impact on the creation of Russian women's image in the public perception. The author comes to the conclusion that the intention of writers to bring the image of a representative of a different culture within the sweep of an average reader, representing their own culture, limits that image by stereotypical categories, which do not reflect the real features and qualities of the representative of a different culture.

Ключевые слова: дискурс, стереотипы, коммуникация.

Keywords: discourse, stereotypes, communication.

Современная литература свидетельствует о наличии морального, идеологического и психологического кризиса, в котором находится человек. Поиск своего «Я», своих культурных корней, а заодно и попытка восстановить внутреннее равновесие, половую идентичность, свое место в мире, которое подвергается постоянной корректировке, – вот новые темы литературы эпохи постмодерна и французской литературы в частности. Эти тенденции воплощаются с использованием различных дискурсивных средств. Среди них «я» рассказчика, который, став персонажем, отправляется на поиски своих корней. Это воображаемое пространство, соседствующее с реальностью, смешение жанров, тематические стереотипы. Все эти средства становятся механизмами, организующими литературный дискурс.

В условиях глобализации использование стереотипов становится необходимым для автора и для читателя, чтобы чтение и восприятие текста были успешными. Как подчеркивает D. Maingueneau [5], литература широкого потребления образуется на основе стереотипов именно для того, чтобы процесс чтения не вызывал затруднений. Действительно, читатель понимает текст, используя багаж уже приобретенных знаний о мире.

Прежде чем перейти к исследованию текстов, необходимо сказать несколько слов о понятии «стереотип». Этот термин был использован впервые W. Lippmann, американским журналистом, заметившим, что в процессе восприятия объектов, человек использует образы, ранее сформированные в его сознании. Речь идет о готовых репрезентациях, ранее существовавших культурных схемах, через которые каждый фильтрует окружающую реальность. Эти фильтры – стереотипы могут быть как правдивыми, отражать реальные черты объекта или группы, так и ложными, разрушать положительный образ последних. Они могут носить поло-

жительные или отрицательные характеристики, но создают тем не менее редуцированный образ другого, так как задействуют, с одной стороны, культурный багаж как автора, так и читателя, в случае с литературой, а с другой стороны – коллективное воображаемое. В этой связи определение стереотипа, данное J.-P. Leyens, представляется нам верным, так как он считает стереотипом распространенные мнения о той или иной группе людей или ее поведении [4].

Среди свойств стереотипа отметим его аксиологический характер, способствующий формированию субъективных представлений, относительную устойчивость к изменениям и поддержку основных стереотипов со стороны других людей.

Стереотипы изучались первоначально как этнические, характеризующие национальные группы. Существуют также крупные исследования литературных репрезентаций Другого в русле имагологии. В них межэтнические взаимоотношения рассматриваются не в реальности, а на уровне их литературной, вымышленной репрезентации. Лингвистика, в свою очередь, интересуется устойчивыми выражениями, клише, общими местами в высказываниях. Утверждается, что стереотип носит дискурсивный характер, так как он воплощается и выкристаллизовывается в языке, в дискурсе, являющемся одновременно репрезентацией мира и процессом его формирования. В этом процессе стереотип связывает один дискурс с другими. Вот почему литературный дискурс рассматривается нами, вслед за D. Maingueneau [5], как высказывание, пронизанное множеством напоминаний, слов, которые уже были произнесены. Что же касается правдивости в литературном дискурсе, нужно подчеркнуть, что дискурс вписывает литературный факт в общественное сознание, присваивая автору и читателю функции активных участников дискурса. В этой связи функция читателя в дискурсивном процессе так же важна, как функция

автора. Чтобы раскодировать послание автора, он опирается на знания, общие для всех членов культурного сообщества. Это помогает ему не только раскодировать смысл, но и восстановить уже построенный раньше сценарий.

Иногда роль читателя становится первичной, так как он находится в эпицентре литературных устремлений автора. Это касается, прежде всего, массовой литературы. Как подчеркивает R. Amossy [3], эта литература приспосабливается к пожеланиям публики, которая ищет способы выражения и эстетическое воздействие, доступные незамедлительно. Иными словами, массовая литература ориентируется на среднего читателя, носителя усредненных и обобщенных общественных ценностей. Как результат, на первый план выходит стереотип, благодаря которому путь декодирования укорачивается. Мы поддерживаем мнение исследовательницы, которая утверждает, что стереотип – это не теоретическое понятие, абсолютное и неизменное, а понятие, вышедшее из современной эпохи и хорошо ее обслуживающее [2, с. 11]. Однако такое представление актуально для пары автор/читатель, имеющих одну культурную принадлежность, так как устоявшийся стереотип нивелируется для читателей, являющихся носителями другой культуры. В этом случае желаемые автором интерпретации не возможны, а его суждения вызывают у читателя недоумение. Именно о такой реакции идет речь, когда мы встречаем в иностранной литературе описание своей культуры, быта, народа. Те черты, которые кажутся нам маргинальными в собственной культуре, как ни странно, приобретают символические, характеризующие культуру в целом, черты.

В этой связи наблюдаем в дискурсивных практиках функционирование языковых стереотипов, касающихся образа русской женщины на материале современной французской литературы. В качестве материала для анализа нами были выбраны романы популярных французских писателей Фредерика Бегбедера *Au secours pardon* [6] и Эммануэля Каррера *Un roman russe* [7]. Наша цель – выявить и проанализировать в этих художественных произведениях языковые стереотипы в форме лексем, устойчивых выражений, объединенных в единое лексико-семантическое поле, связанное с образом русской женщины в современной французской литературе.

Мы рассматриваем романы, получившие популярность у французской публики. Не принимая во внимание стиль и идеологический подтекст, рассматриваемые произведения близки с точки зрения жанра. В текстах романов прослеживается автобиографический или псевдо-автобиографический подход к сюжету, изложению фактов. История рассказана от первого лица, что сокращает дистанцию между рассказчиком и читателем, и эта близость меняет градус правдивости дискурса. Его адресант – это не только литературный рассказчик, он воспринимается читателем как рассказчик своей реальности. Действия романа происходят в России. Оба романа вписываются в постмодернистское литературное течение, акцентируя вни-

мание на внутреннем мире рассказчика. Повествование превращается в отчет о событиях, свидетелями которых он был или в которых участвовал. Но они служат лишь информационным поводом, чтобы поговорить о себе.

Что касается других персонажей, среди которых мы встречаем интересующие нас женские образы, их присутствие служит поводом, чтобы поговорить о душевных метаниях главного героя, как в романе Э. Каррера, или чтобы придать значимость или наоборот обесценить персонажа-рассказчика у Ф. Бегбедера. В обоих случаях они становятся объектом наблюдения рассказчиков и, учитывая, что действие происходит в России, демонстрируют стереотипы, сложившиеся о русских во французской культуре. Эти стереотипы узнаваемы в тематике дискурса, как то: портрет, характер, поведение, а также в использовании лексем, устойчивых конструкций в описаниях.

В повествовании Э. Каррера рассказчик и автор часто сливаются в одну фигуру, и начинает доминировать журналистский стиль. Рассказчик погружает своего читателя в атмосферу жизни маленького города, затерянного в центральной России. В первый раз он приезжает туда в качестве журналиста, чтобы снять сюжет о бывшем пациенте психиатрической больницы, который попал туда после ВОВ и, наконец, был найден родственниками из Венгрии. Второй раз он возвращается в Котельнич, чтобы снять документальный фильм о жизни этого захолустья в постсоветский период. Однако, несмотря на официальный проект по пребыванию в России, рассказчик ведом желанием найти ответы на вопросы, мучающие его с детства. Вопросы о деде, пропавшем в эпоху сталинских репрессий, о матери, русской эмигрантке, уехавшей во Францию. Он стремится понять что-то и о самом себе, отправляясь в маленький русский город на заре перестройки. Несмотря на то, что автор-рассказчик говорит по-русски и, кажется, имеет представление о русской культуре, нравах и обычаях, его герои больше похожи на маски, соответствующие типичным в представлении людей других стран образам русских. Автор лишь иногда делает исключение для женских образов. Так читатель знакомится с Анной, девушкой, случайно встреченной в ресторане, которая становится положительным, драматическим персонажем. Не давая ее портретного описания, в телефонном разговоре с подругой рассказчик упоминает лишь, что она особенная. Эта особенность связана с тем, что Анна говорит по-французски. Этот персонаж станет связующим элементом между тем, что рассказчику понятно, и тем, что ускользает от понимания, рассказчик не приписывает ей типичных черт, помещая ее в «свой лагерь». В эту же группу «своих» попадает журналист Галина, с которой у рассказчика завязывается легкий роман. Приписывая ей внешние характеристики, такие как *le corps ferme et doux*, он не присваивает ей этнических черт.

Третий женский образ, представленный матерью Анны, собирает в себе все самые распространенные стереотипы о русских: она гостеприимна, много пьет,

горько оплакивая смерть дочери, стремится свести счеты с зятем, обвиняя его в заказном убийстве. Она представлена читателю как *une très petite femme au visage ridé, enveloppée dans une lourde pelisse*. Стереотипу в одежде противостоит стереотип бедности: *je suis une femme misérable, j'ai honte de moi, j'ai honte de ma maison*. Этот образ воскрешает в памяти растиражированный образ советских кухонь, где русские собирались, чтобы в полголоса покритиковать беспросветную жизнь и общественный строй, власть, представленную, кстати, в романе работником ФСБ Сашей.

Однако рассказчик не скрывает, что его больше всего интересует образ красивой молодой женщины, которая хотела бы уехать из провинции в Москву и выйти замуж за нового русского или бандита. Ее характеристики таковы:

(1) *...je pensais à ces filles longilignes, blondes, ravissantes, qu'on rencontre dans les boîtes de Moscou et qui, maîtresses de nouveaux Russes, vêtues de manteaux de fourrure sur des robes très courtes et très chères, roulant en Mercedes aux vitres fumées, jugeant leurs compagnons au seul poids de leur carte de crédit, promènent sur le monde un regard d'une dureté glaçante.*

Рассказчик даже цитирует статистическое исследование, в котором сообщается, что две трети молодых русских женщин выбирают проституцию, чтобы получить место под солнцем. Заявленным характеристикам соответствует четвертый женский образ, который будучи эпизодическим, переключается с героинями Ф. Бегбедера. Это дочь Саши из ФСБ, которая уезжает из Котельнича в Петербург. Ее отец по своему интерпретирует желание дочери уехать:

(2) *Elle va y faire ses études. Enfin faire ses études: faire la pute, plutôt.*

Стереотипы, представленные в романе Э. Каррера, связаны с восприятием внешности, такие как *filles longilignes, blondes, ravissantes*, а также поведенческие черты, высокомерие, меркантилизм и цинизм *leur regard glacial qui révèle le mépris*. Эти приписываемые русским женщинам качества косвенно подтверждает Sophie, подруга рассказчика, говоря: *«je pensais aux femmes russes, bien sûr, j'étais jalouse»*. Не претендуя на истинность интерпретации, нам представляется, что подобные стереотипы берут начало в реальном положении дел. Очевидно, что в советскую эпоху иностранцы не могли свободно перемещаться по России, они ограничивались Москвой и Санкт-Петербургом. Эти экономические и культурные столицы привлекали людей со всей страны. Очевидно, что среди тех, кто искал своего счастья, было много женщин. Часто не имея ни профессии, ни образования, они приезжали в надежде за счет лишь внешности найти «принца». Как результат: мегаполисы, наводненные красивыми женщинами, поражали воображение иностранцев. Кроме того, концепт денег и представление о взаимоотношениях мужчин и женщин различаются в западной и славянской культурах. Как следствие, сложившийся у иностранцев стереотип об образе русских женщин обобщил частные случаи.

В романе Ф. Бегбедера действие также происходит в России. Информация о стране, данная в начале романа, кажется, демонстрирует самый банальный и нормальный одновременно порядок вещей. А именно, Россия, по словам рассказчика, это бордель без границ, который предоставляет иностранцу пещеры Али Бабы в плане секса, только потому, что он иностранец (а, значит, имеет деньги). Стереотипы в романе связаны с представлениями французов о красоте, сексе, богатстве и бедности.

Красота по Ф. Бегбедеру носит устрашающий характер, это источник исключительной власти. Красота русских девушек приобретает в его представлении агрессивные черты. «*Belle*» ассоциируется с милитаристской лексикой: *des missiles nucléaires, des armes de destruction massive, des fusées interplanétaires*. В лучших традициях западной прессы эпохи холодной войны рассказчик формулирует стереотип об угрожающей, опасной красоте, способной конкурировать с военной мощью страны эпохи 90-х, рассказчик приравнивает русских девушек к национальной индустрии. Эта стратегия подмены устаревшего стереотипа о стране – военной угрозе другим, более «модным» стереотипом, позволяет сохранить имидж России как страны потенциально опасной, хоть и в ироничном контексте.

Рассказчик раскрашивает внешнюю красоту русских женщин в эротические, а иногда в порнографические цвета. С большим рвением он эксплуатирует миф о сексуальных достоинствах русских женщин, настаивая на том, что секс – это их главное развлечение. Иногда плотские картинки соседствуют с религиозными. Упомянув о падших ангелах, рассказчик находит главный аргумент в защиту их невиновности, они пали из-за русских девушек:

(3) *Les filles russes sont ennemies. Ce n'est pas la première fois que des anges ont autant d'ennemis: relisez la Bible, ce catalogue d'anges brûlés.*

Рассказчика посещают галлюцинации, и искомым славянский образ для обложки модного журнала принимает мистические черты. Он сходит со страниц сказок: из прекрасной крестьянки «невыносимой красоты» он трансформируется в «принцессу, воспитанную кондитершей», потом в русалку в реке, а затем в «фею в кедах посреди алкоголиков». Это собрание персонажей, отчасти представляющих европейскую, а отчасти русскую культуру, фантастических и тривиальных одновременно, актуализует стереотип, связанный с мистикой, сопровождающей в сознании европейца красоту по-русски. Фольклор – это неистощимый источник стереотипов, так как он фиксирует в своем семантическом багаже наивные представления о мире. В частности, лексема «*fée*» (фея) даже без сказочного контекста ассоциируется с фантастическими качествами, с магией, помогающей ей достигнуть своих целей. «*Roussalka*» (русалка) в славянской мифологии также символизирует волшебную силу, власть женщины над мужчиной. А лексема «*princesse*» (принцесса) уже соответствует власти на социальной лестнице,

а также ассоциируется с величественной, благородной красотой.

Завершающая часть этого «гимна» красоте русских женщин приобретает универсальный исторический характер:

(4) *Nous avons détruit les Juifs d'Europe pour y instaurer la domination des blondes slaves.*

Образ, созданный рассказчиком, базируется не только на этнических представлениях, но и на гендерных стереотипах. Среди характеристик, придающих значимость женскому образу, хотя и экстравагантных, рассказчик Бегбедера упоминает светлые волосы (*c'était ma première blonde*) и покорность мужчинам. На основе общеизвестного стереотипа о блондинках появилось, в частности во Франции, выражение «la beauté sans cerveau». Что касается покорности, рассказчик сравнивает русских и французских женщин в пользу первых, однако он не исключает, что для русских «кукол» это только маска:

(5) [...] *idylliques poupées faisant mine d'être dévouées pour mieux diriger les opérations.*

Безусловно, присутствуют ставшие клише портретные описания русских женщин, такие как *les yeux turquoises, les joues de tzarines, les mains pâles (голубые глаза, царственные щеки, бледные руки)*.

Литература

1. Кирилина А. Гендерные стереотипы по данным языка // Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.
2. Amossy Ruth. Les idées reçues. Sémiologie du stéréotype. Paris: Nathan, 1991.
3. Amossy Ruth, Anne Herdchberg Pierrot. Stéréotypes et clichés. Langue, discours, société. 3-me édition. Paris: Armand Colin, 2011.
4. Leyens Jean-Philippe, Yzerbyt Vincent et Schadron Georges. Stéréotypes et cognition sociale, Wavre, éd. Mardaga, 1996.
5. Maingueneau Dominique, L'analyse du discours, Paris: Hachette, 1997.
6. Beigbeder F. Au secours, pardon. Paris, éditions Grasset & Fasquelle, 2007.
7. Carrère Emmanuel. Un roman russe, Paris: P.O.L. éditeur, 2007.

Информация об авторе:

Желудкова Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии КемГУ, jld@rambler.ru.

Elena G. Zheludkova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of French Philology, Kemerovo State University.

Для сравнения стереотипов, озвученных французскими авторами, со стереотипами о русских женщинах, присутствующими в русской культуре, достаточно обратиться к исследованию А. Кирилиной [1]. На основе ассоциативного эксперимента в нем выявлены основные ассоциации, возникающие у русских мужчин и женщин на стимул «русская женщина». Исследование позволяет сделать вывод о доминирующем в русской языковой картине мира стереотипе «женщина-мать», что касается характеристик сексуальности, распространенных во французских стереотипах, они представлены в реакции на стимул слабо.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на современную открытость русского мира и русской культуры, языковые стереотипы о русских женщинах во французской языковой картине мира остаются поверхностными. Об этом свидетельствуют и другие, пусть не многочисленные, произведения французских авторов. Этот факт говорит о нежелании проникнуть по-настоящему в чужую культуру и объяснить собственным читателям ее особенности. В силу вступает закон упрощения, и писатель, иногда вопреки собственному желанию, идет на поводу массового читателя, который не ищет правдивых описаний, а ждет подтверждения собственным стереотипам.

Статья поступила в редколлегию 29.12.2014 г.